

Припоминается очень давний случай  
В крошечном зальчике «Мосфильма»  
расположились в креслах несколько  
«законодательных» кинокритиков.  
А меня великодушно пригласил  
один из них. Мэтрам представили  
на суд ленту молоденького тогда Леонида  
Гайды «Человек ниоткуда»  
с роскошным и совершенно неожиданным  
Сергеем Юрским.



НЕВИДАЛЬ  
для  
Эдуарда  
ГРАФОВА

# Хоть смейся, хоть плачь

Вех, Москва —  
1998 — 16 янв. — С. 5. К 75-летию Леонида Иовича Гайды

До сих пор конфузно вспоминать, что со мной тогда творилось. Я уже даже не хохотал, я повизгивал, изнемогая. Пригласивший меня корифей сердито толкал локтем и шипел в темноте: «Ты же мешаешь нам работать!». Но и сами маститые веди себя не лучшим образом: они корчились в креслах от хохота, утирали слезы, стонали в голос. А куда денешься!

Заканчивается фильм. Включается свет. Обслуга торжественно вносит стол со скатертью и даже графин. Главный корифей водружается над столом: «Перейдем к обсуждению».

И перешли... И тут я узнал, что фильм, оказывается, не смешной. А заодно и вредный. А у корифеев-то еще слезы на веках не просохли. Потом я к таким судилищам в кино привык. А тогда по молодости лет от неожиданности расхохотался. И был выдворен из зальчика. Критики, как вы знаете, не любят, когда смеются. Над ними.

Я понимаю: кто старое помянет, тому глаз вон. Но мы же так без глаз останемся.

Все ведь началось сразу, с первой же ленты Гайды — «Жених с того света». Сам министр культуры Михайлов дал державную оценку: «Пасквиль на советскую действительность!». Молоденький до наивности режиссер удивился: «Неужели вам жалко этого твердолобого бюрократа?». На что министр провидчески ответил: «Мне вас жалко!».

Полнометражную ленту сократили до короткометражной, а начинающему режиссеру рекомендовали снять историко-революционный фильм. Могу себе представить этот фильм в исполнении Гайды!

А ведь министр как в воду глядел. Леонида Иовича потом таскали творческим лицом по асфальту даже всего лишь за песенки. Прежде всего, как вы понимаете, под политический микроскоп сунули «А нам все равно!». До сих пор удивляюсь, каким образом это неслыханное вольнодумство про зайцев в фильме уцелело. Правда, с «исправлениями».

А сюжет с песенкой про медведей вообще заставили переснять. В нем предосудительно сообщалось, что эти якобы медведи «чешутся о земную ось». То есть явное искажение, искажающее подтекстом образ советского медведя. Оказалось, надо не «чесались», а «терлись». И ведь весь эпизод пересняли. Сберегли устои соцреализма... Крепко берегли! Когда потом Юрий Никулин вздумал озвучить цирковой номер песенкой «Про зайцев», ему категорически запретили «антисоветчину».

Трудновато приходилось всем этим Никулиным и Гайда-ям. Не случайна многоопытный и надежный Григорий Александров всячески подчеркивал, что делает не «смешное» кино, а «веселое».

Однако ведь Гайдай тоже делал веселое кино. А потому смешное. Но смешное еще и потому, что поселялись в нем или некий товарищ Саахов в «Кавказской пленнице», или персонажище Нонны Мордюковой в «Бриллиантовой руке». Я понимаю, что товарищ Саахов одноименным властям не нравился. Мне он тоже не нравился, мне Этуш нравился.

Я, знаете ли, не чужд сатиры. Но, поверьте, мне у Гайды гораздо важнее не товарищ Саахов, а старший экономист Семен Семенович, если не ошибаюсь, Горбунков в «Бриллиантовой руке». Он для меня даже как-то отдельно от актерской игры блистательного Юрия Никулина. Он для меня некое реальное существо. Существо доброе, чистое, неисправимо честнейшее.

Прошу заметить, Леонид Иович Гайдай, пожалуй, впервые в нашей кинокомедии создал реального положительного героя. До него в этой «функции» фигурировали социально припудренные манекены. А здесь вдруг плоть от плоти человеческой, нормальный хороший Семен Семенович Горбунков. Так ведь и прелестной «Бриллиантовой руке» тоже досталось сверх всякой ме-

ры. Спасибо, хоть в короткометражку не превратили.

А можно подумать, критика тому не поддакивала. Снисходительно похваливали «комикование», но горестно сокрушались: «Почему Гайдаю не удаются сатиры Ильфа и Петрова, социальный сарказм Булгакова или мешанский говорок Зоценко?». На этот вопрос я могу ответить только вопросом: «Почему же не удаются, когда как раз удаются?». Да и хороши радетели сатиры, которые у Зоценко разглядели всего лишь «мешанский говорок». Вот я и говорю: а судьи что? Что собой представляли?

Да нет, я сатиру очень даже уважаю. Но неповторим Леонид Иович Гайдай не сатирой единой. У него не Салтыков-Щедрин в любимчиках ходил. Я знаю, какое место в моей жизни занимают великие Лев Толстой и Томас Манн. Но любимый у меня писатель — О'Генри. Не знаю другого подобного примера сочетания огромного таланта и столь же огромной доброты. Именно это прекрасное сочетание я нахожу в кинорежиссере Гайдае. Печальная ласка фильма «Деловые люди» по О'Генри у Леонида Иовича не случайность, а неизбежная закономерность. Так ведь и самые любимые актеры у него были — Плятт, Никулин, Пуговкин, Смирнов. До чего же гайдаевские люди!

А разве не из этого же дивного ряда его пожизненная любовь к Нине Павловне Гребешковой? Я с нею не знаком, но с незапамятных времен Нина Гребешкова для меня — из самых очаровательнейших женщин экрана. Какой чистоты сияние в глазах!

Сознаюсь, даже мыслешка мелькала: уж она-то могла бы подобрать себе по красивше «долговязого Лени». Видать, дескать, за режиссера «выскочила», чтобы он ее в кино во всех видах снимал.

А Нина Павловна и через десятки лет говорит: «Не любить его было невозможно!».

Между прочим, знаменитая Нина Гребешкова снялась в 60 фильмах, а у Гайды — всего в двух. Однажды она отказалась от главной роли, чтобы сняться у мужа в эпизоде. Их, влюбленных, не поймешь!

Чего-то я расхныкался — и обижали Гайдаю, и притесняли! А фильмы-то и до сих пор обожаемы. Лично я сколько раз по ТВ «Бриллиантовую руку» повторяют, столько раз ел и наслаждаюсь. Ни разу не пропустил.

Так ведь обожали одни, а обижали совсем другие. Обижать-то обижали, а на экран, вволю наизмывавшись, допускали. Секрет тут прост. Каждый гайдаевский фильм до 80 миллионов граждан успевало восторженно посмотреть. Гайдай «кассу делал». Впрочем, и сами грозные обидчики у себя на дачах, как сказать, вдали от простого народа, гайдаевские фильмы тайком обожали, а потому регулярно глядели. Но для простой публики соблюдался суровый «политес». Как-то Леонид Иович увидел на кинотеатре призывную рекламу — «Ленин в Польше». Оказалось, что «... в Польше» идет лишь на одном-единственном сеансе. Все остальные — «Кавказская пленница». Тоже, как и все у Гайда-я, смешно. Но не совсем.

Не совсем смешно и еще вот что. Был ли Леонид Иович Гайдай свободным человеком? Вне сомнений! Так у него на то и причина немалая. Я бы сказал, «гайдаевского» свойства. Родился он в сибирском городе под названием Свободный. В этот «свободный» людеи ссылали. В том числе и отца будущего кинорежиссера. Так что произошел наш сатирик прямо посреди каторжной «свободы». Умеет жизнь гримасничать!

Считается, фильмы быстро стареют. А гайдаевские до сих пор у народа в любимчиках. И объяснение тому весьма существенное, хотя и простое. Нынче такая жизнь, что чуть ли не сероводородом дышать приходится. А тут вдруг с экрана глоток свежего кислорода, то бишь доброты и ласковой усмешки. Дышите глубже!